

**Формы языкового сопротивления в иронической поэзии:
к проблеме воспроизведения идеологических знаков тоталитарной культуры**

Творчество поэта Игоря Иртеньева охватывает периоды перестройки, постперестроечное время и первые годы XXI века. Фиксация в текстах идеологем – основных языковых операторов советской идеологии – позволяет автору воспроизводить сдвиги, происходящие в общественном сознании.

В период реформации советской системы материалом иронического переосмысления и объектом иронии в текстах И. Иртеньева служат опорные идеологемы советского мировоззрения. Идеологемы, как правило, вводятся в текст в форме речевых идеологических констант (ключевые слова и речевые стереотипы тоталитарного языка). Под влиянием контекстной среды идеологически «правильное» содержание выхолащивается, обнаруживается изнанка этого содержания. Основным объектом иронии в тексте становится идеологическая ложь.

В стихотворении «Ходоки» (1989) Иртеньев вскрывает разрыв, существующий между властью и народом. Демифологизируются представления о вездесущности, могуществе власти (*Комитет народного контроля*), её обращённости к людям (*встретил их суровый Комитет как родных*), возможности найти «правду» в высших органах власти. Конкретно-образно представлена наивность феномена «хождения»: *Шли в Москву за правдой ходоки / В Комитет народного контроля. / Встретил их суровый Комитет / Как родных – заботой и приветом, / Пригласил в огромный кабинет / Ленина украшенный портретом. / Обещал порядок навести / Не позднее будущей недели... / Шли они огромною страной, / Далека была дорога к дому... / Не утратив веры ни на малость... / Возвращались с правдой ходоки.*

Иронической «обработке» подвергаются сакрализованные конструкты, например, идеологемы достойного отпора врагу, героизма, жертвенности, народной памяти: *- Затем я летаю от дома вдали, / Чертя за кривою кривую, / Чтоб тёмные силы вовек не смогли / Войну развязать мировую. <...> / - Иного не ждал я ответа... / А если когда-нибудь вниз упадёшь, / Лишившись физической силы, / Навеки Советской Страны молодёжь / Запомнит твой облик красивый* («Ответь мне, искусственный спутник...», 1988). В стихотворении высмеивается также шаблонность, заданность коммуникативных реакций, которые иллюстрируют принцип, лежащий в основе иерархии идеологических ценностей (примат общественного над личным).

Оппозиция «своё»-«чужое», включающая ходульный образ врага, разрушается в сниженном, ироническом контексте. Прозаизмы (*песня должника, непьющий человек*) депатетизируют декларативные интонации: *Печален за окном пейзаж, / Как песня должника, / Но, тем не менее, он наш, / Советский он пока. / И мы его не отдадим / Ни НАТО, ни ОПЕК, / Покуда жив хотя б один / Непьющий человек* («Печален за окном пейзаж», 1989).

Идеологема *врага* в границах оппозиции мы – они/ «своё» – «чужое» сопровождается традиционной аксиологической поляризацией. Для обозначения идеологического денотата используется не только слово *враг*, но и видовые номинации, а также устойчивые образные и стереотипные оценочные выражения. Фактически формируется внутритекстовая полевая структура идеологического концепта «враг»: *А там пошло наудалую / И горе нашему врагу...* («Меня зовут Иван Иванович», 1982); *Порази врага Руси, / Чтоб не смог у Мавзоля / Супостат раскрыть шасси...* («Ероплан летит германский», 1987); *Вот к тебе подходит иностранец, / Кто их знает, может, и шпион* («Камелия», 1986); *Ероплан летит германский – / Сто пудов сплошной брони, / От напасти басурманской, Мать Божья, сохрани! / Не боится сила злая / Никого и ничего, / Где ж ты, Троица Святая. / Где родное ПВО?! <...> / Кружит адово страшило, / Ищет, где б ловчее сесть <...> / Над притихшею Москвою / Тень простёр Армагеддон* («Ероплан летит германский», 1987); *Чтоб тёмные силы вовек не*

смогли / Войну развязать мировую... («Ответь мне...», 1988); Нет, мы империя добра, / А не империя мы зла... / Не будем называть страну, / Главой которой был козёл, / Мечтавший развязать войну... («Монолог на выдохе», 1982); Вот уже совсем он недалеко – / Обитатель чуждых нам широт. / И тогда, расправив гордо плечи / На него пошёл я – / Как на дзот... («Встреча», 1987).

И.Иртеньев, иронизируя, пытается сломать сложившиеся в советском общественном сознании «идеологические комплексы»: Подавил я старого мышленья / Этот несомненный рецидив <...> / Если б все так поступали люди, / Никогда бы не было войны («Встреча», 1987).

Скептически воспринято поэтом создание новой перестроечной политической терминологии. Так, иронически переосмысливается «пропущенная» через субъектное сознание идеологема перестройка: Быть не хочу ни едоком, ни снедью, / Я жить хочу, чтоб думать и уметь... / Довольно быть объектом перестройки, / Аз есмь ея осознанный субъект! («Ах, отчего на сердце так тоскливо...», 1987).

После распада СССР И.Иртеньев продолжает оперировать идеологемами – опознавательными знаками советского идеологического кода, сохранившимися в общественном сознании. Он использует идеологический фонд тоталитарного языка для номинации конкретных объектов иронии. В произведениях поэта-ирониста, как правило, лживость ключевой идеологемы обнаруживается на уровне идеологической синтагматики. Например, идеологема враг регулярно сочетается с идеологемой уничтожения. Искажённые представления о могуществе и опасности врага-агрессора, прямолинейность оценок, преувеличенное ощущение носителем советской идеологии опасности, готовность к отпору – всё это «выдаёт» иронию автора: Отвратительно, страшно, мохнато, / Воплощая всемирное зло, / На восток расширялося НАТО / И до нас невзначай доползло. / Над страной нависло злое, / Заслонивши нам солнечный свет, / И зажало в железные клещи, / От которых спасения нет. <...> / Жадной сворой рванулись в объятья / Наших общих недавних врагов <...> («Отвратительно, страшно, мохнато», 1997); Ночью наган под подушкой нашаришь, / И легче становится враз, / Время такое сейчас, товарищ, / Страна сегодня такая у нас <...> / И если вовремя враг обнаружен, / То я за себя теперь не боюсь <...> («Ночью наган под подушкой нашаришь», 2002).

О верности принципам тоталитарной идеологии, живучести комплекса врага свидетельствует и высмеиваемое И. Иртеньевым стремление к возрождению символов советской эпохи, например, памятника Ф. Дзержинскому – человеку, который всё ещё является олицетворением беспощадной борьбы с врагом. Идеологема враг народа включается поэтом в современный контекст, прагматизируется и соединяется с идеологемой народного возмездия и борьбы бедных против богатых: Не хватает вас, Феликс Эдмундович! <...> / <...> Нет в стране порядка, однако! / Хоть враги с постамента сбросили / Вашу статую в чёрном августе, / Но за это с них строго спросим мы / Ко всеобщей народной радости. / Беспощадной карой народною / Отольются шикарные дачи им! <...> / Трудно жить без шинели серой нам / Этим временем смутным нынешним. / Так явитесь же в запахе серном <...> («Не хватает вас, Феликс Эдмундович», 2002).

Реализация фундаментальных идеологем советского тоталитарного языка сопровождается разрушением искусственных семантических «добавок». Например, в стихотворении «Народ. Вход-выход» (1999) идеологема народ утрачивает «добавки» гордый, радостный, счастливый, уверенный, могучий, героический [см.: Купина 1995: 67]. Готовые и деформированные стереотипы войти в народ, народ...герой труда, шагать...вместе, навсегда, ты...один, поклониться в пояс подготавливают развитие оппозиции я (поэт, идеализировавший исключительность нравственной силы народа) – народ. Трезвый взгляд на действительность позволяет представить народ как объект горькой иронии. Гиперболические высокие предикаты-характеризаторы вытесняются характеризаторами низкими (например, пьющий, вороватый). Объект иронии укрупняется: лживая идеология не только ослепляет, но и оглушает народ: <...> Он как-то сильно не вязался / С расхожим мнением о нём. / Он не был сущим и грядущим / В сиянье белоснежных крыл, / Зато он был довольно пьющим / И

вороватым сильно был. / Я ослеплён был идеалом, / Я в облаках всю жизнь витал, / А он был занят чёрным налом / И Цицерона не читал...<...> / И тут я понял, что народ / Есть виртуальное понятие, / Фантазии поэта плод.

В стихотворении «Застольная баллада» (2006) в границах оппозиции народ – власть разрушаются идея единства народа и власти, а также группа идеологом народной власти, руководящей роли народа-творца, народа-труженика, народа-победителя, народа-судьи. Образ народа управляемого, угнетаемого, покорного, не живущего, а выживающего, брошенного за черту бедности на фоне образа антинародной власти, политика которой углубляет резкие социальные различия между богатыми и бедными, акцентирует нравственно значимые идеи несправедливости и грядущего возмездия. Не случайно текст завершает метафора левый поворот (заглавие вышедшей в период написания стихотворения статьи М. Ходорковского): *Когда к невольничьему рынку / Мы завершим свой переход, / То пригласим на вечеринку / В живых оставшийся народ. / Хотя он грязный и противный / И от него несет козлом, / Пускай на ней, корпоративной, / Присядет с краю за столом. / С народом этим, ох, непросто, / Он жадно ест и много пьет / И все ж заслуживает тоста, / Поскольку среди нас живет.<...> / А чтоб совсем тип-топ все было, / Чтоб этот день запомнил смерд, / Собрав по штуке баксов с рыла, / Им забабахаем концерт./ Уж то-то будет всем веселья, / Уж то-то криков: «во дает!», / Когда им спляшет Моисеев / И Надя Бабкина споет. / А после скажем всем спасибо / И под фанфары – до ворот. / ...Вообще не приглашать могли бы, / Но страшен левый поворот.*

«Процесс деидеологизации русской лексики в наши дни сочетается с неупорядоченным процессом её идеологизации» [Купина 1997: 134], поэтому И.Иртеньев, с одной стороны, использует советские идеологемы, с другой, – иронически осмысляет новейшие идеологемы, которые «спускаются сверху». Идеологическая ложь в его текстах беспощадно разоблачается. Например, высмеивается стремление властей с помощью идеологемы вертикаль власти закрепить в общественном сознании представление о действенности принципа вертикали: <...>*Для укрепления общей вертикали / В подьезде врезал кодовый замок, / Но укрепить опять её не смог – / Его буквально через день украли* («Мне праздность с юных лет...», 2002); <...>*Ни берёзки в чистом поле, / Ни ракиты над рекой, / Бугорок какой бы что ли, / Буерак хотя б какой. / Сколь глаза б их не искали, / Не отыщутся оне, / Только власти вертикали / Попадают одне* («Эх, родные сердцу дали», 2001). Скептически воспринимается и внедрение в коллективное сознание идеологием державности, справедливости, исключительности нации («Занимательная орнитология» (2008), «Впереди планеты» (2008), «Народам» (2008)).

Поэт настороженно, с недоверием относится к попыткам возрождения тоталитарной и создания новой политической фразеологии, особенно если в её основе лежат узнаваемые носителями советской идеологии метафоры силы, подавления (*могучая держава, рычаги власти, вертикаль власти, ветви власти*): *Когда могучая держава / Вовсю сжимает рычаги, / И шага влево не моги / Ты сделать, равно как и вправо* («Не спит наш главный постовой», 2003).

Обеспокоенность автора вызывает попытка возродить тоталитарную идею непогрешимости вождя. Образ сильного, всемогущего, непоколебимого лидера формируется в профанизированном контексте за счёт гиперболизации характеристик (*из чистой стали, рукою твёрдой, как кристалл*) и мифологизации обозначенных в границах цепочки действие – результат фактов и событий: <...>*Иные времена настали, / В былинку канул лохотрон, / И гражданин из чистой стали / Был срочно возведён на трон. / Сорняк повыдергал он с грядок, / Рукою твёрдой, как кристалл, / И враз настал вокруг порядок, / И прежний кончился фристайл. / И всё, что было сикось-накось, / В пучок единый он связал...* («Я провожаю год минувший», 2003).

Идеологемы, включённые в текст, являются проводниками позиции автора – противника официальных идеологических догм и предписаний. В речевой контекстной среде на фоне индивидуальной авторской образности становится очевидной контридеологическая

направленность стихотворений И. Иртеньева. Основным видом авторской оценки при этом является ирония, которая в разных случаях воспринимается как горькая, щемящая, язвительная (но не издевательская), мудрая.

Источники материала

1. Игорь Иртеньев. Избранное // Антология сатиры и юмора России XX века. Том 5. – М., 2003. – 384 с.
2. Игорь Иртеньев. Избранное. – М., 2005. – 384 с.
3. Официальный сайт поэта www.irteniev.msk.ru
4. www.gzt.ru

Литература

1. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь, 1995. – 143 с.
2. Купина Н. А. Идеологическое состояние лексики русского языка. // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997. – С.134-145.